

Ю. Денисова.

ОНА БЫЛА РОМАНТИК И СОЗИДАТЕЛЬ. *(Памяти М.П. Лимаровой).*

"Запишите этот день как счастливый..."

Когда проходишь мимо этого дома, кажется, что здесь остановилось время, что вот сейчас распахнется дверь и из них выбежит реалист Леля, которому суждено будет стать великим писателем с оригинальным в Советской России графским титулом и неоригинальной фамилией - Толстой.

Но усадьба Бострома стала музеем-усадьбой А.Н. Толстого отнюдь не сразу после исчезновения законных владельцев. И то, что она стала мемориальной, вошла в каталог культурных очагов Самары, а не в список граждан с плохими жилищными условиями, то что ей удалось избежать поджога собственными многочисленными жильцами - лишь бы получить отдельную квартиру - заслуга многих людей.

6 января 1993 года исполнилось десять лет Самарскому музею Алексея Николаевича Толстого. Думаю, не ошибусь и никого не обижу, если скажу, что главной фигурой в долгом становлении музея была Маргарита Павловна Лимарова.

Тридцать четыре года жизни отданы музею, из них четыре - в качестве научного сотрудника, тридцать - директора литературного музея им. А.М. Горького. 20 октября 1982 года Верховный Совет РСФСР присвоил М.П. Лимаровой звание "Заслуженный работник культуры РСФСР".

Действительно заслуженный. И действительно труженик. К чему слова? Достаточно прийти в музей и представить, что когда-то здесь были коммуналки...

-Маргарита Павловна, все-таки как это было? Давайте представим, что пишем книгу об истории создания музея.

-Когда я впервые пришла к Антонине Григорьевне Козевой (она была заместителем председателя горисполкома) и сказала ей о своей мечте - музее Алексея Николаевича Толстого, она ответила: "Ты ненормальная! Где же взять столько квартир, чтобы переселить людей из этих домов?!" Несколько раз писала Орлову, первому секретарю обкома партии, и с писателями вместе, и одна. Но каждый раз мне отвечали, что нет достаточных оснований. Я почему-то верила, что рано или поздно у меня получится - приблизжалось 100-летие писателя.

Однажды в музей им. М.Горького, который мы переделали, в общем-то, в литературный, и где был зал А.Н. Толстого, привели гостя. Сопровождавший его работник горкома предупредил меня: ни слова о том, что ты хочешь сделать музей Толстого. Ну, думаю, так скажу, что я вроде и ни при чем. Повела его по залу, рассказываю про Алексея Николаевича, а когда мы подошли к гравюре, на которой изображен дом, говорю: "Этот дом до сих пор стоит на бывшей Саратовской, теперь Фрунзе, 155. Точнее, оба этих дома." И продолжаю спокойно рассказывать дальше, а у него глаза округляются: "Постойте, я ничего не понимаю. И квартира в том же состоянии, что и при Алексее Николаевиче?!" - Да, отвечаю, - только там какие-то фанер-

ные перегородки поставили, но они не до потолка, а по рисунку пола видно, где раньше стояли печи и какой они были формы. Он мне: "Как же вы можете об этом так спокойно говорить? Вы - музейный работник!" А мне уже кулак за его спиной показывают. Но я подумала: кому нужны мои директорские 90 рублей, и продолжаю: "Нет, я пишу и в обком партии, и в облисполком в течение пяти лет, но никто не собирается мне помочь, и говорят, что я сумасшедшая". Ушел он со словами: "Считайте, что вопрос этот почти решен".

-Кто же этот гость?

-Он был из отдела культуры ЦК партии. А потом мне позвонили из обкома и стали расспрашивать, какие основания для создания музея, сколько материалов - будто бы я ничего не писала. Наконец попросили показать все, что у нас есть. Я сначала растерялась, как же это "вытащить из архивов" - тогда было 1,5 тыс. единиц хранения. но в голову пришла идея. Мы закрыли музей по "техническим причинам", купили бумажные скатерти, разложили на полу и подписали, как могли: "Письма Алексея Николаевича", "Письма матери" и т.д.

Приехала целая группа людей: начальник управления культуры Б.И. Шаркунов, третий секретарь обкома по идеологии Панов, из облисполкома Снегирев и кто-то из горкома, горисполкома. Посмотрели они, а когда уходили, Панов сказал нам: "Запишите этот день, как счастливый день Вашей жизни". Думаю, не случайно именно он сказал это. Преподавателем в политехническом институте, где в свое время учился Панов, был Е. Ган, одноклассник Алексея Николаевича, а Ган всегда гордился этим и рассказывал, как они бедокурили в юности. Так что какой-то интерес к Толстому был у всех его учеников.

-Так вы получили благословение властей. И с тех пор вам больше не мешали?

-Какое не мешали! А строители? То они не могут сделать резьбу, то нет расценок. Сопротивление было необыкновенное. В 1976 году было принято решение о ремонте зданий, а делали его только в последний, 82-й год.

Сейчас не на слуху у всех имя Валентина Степановича Романова, но если бы не он, открытие музея бы отодвинулось. Последние два месяца он был здесь день и ночь. Пусть что хотят говорят про парт-

ийных боссов, но когда мы в ночь с 5 на 6 января подшивали занавески, он приезжает и спрашивает на ухо: "Маргарита Павловна, а вы ели?" Я говорю: "О чём вы, какая еда!" Он уехал и через некоторое время привез нам кофе с беляшами - из "Паруса". А во время церемонии открытия рядом со мной стоял и поддерживал - боялся, что я упаду. Потом мы встречались, как родные люди.

Вообще, в одну дверь входишь - в другую выходишь. Это тысяча и одна ночь. Тогда все приходилось доставать, завхоза у нас не было. Здорово помогали сотрудники. Зинаида Викторовна Стрелкова и Андрей Геннадьевич Романов были награждены грамотами облисполко-ма, когда открыли музей.

- Но до этого торжественного дня была еще ведь масса событий отнюдь не праздничных - "Та же добыча радия". Как приобрела вид мемориальная квартира?

- Для того, чтобы доказать, что мы можем восстановить мемориальную квартиру, нужно было найти людей, потому что одних очерканий и описаний мало. Тогда мы послали письмо Первяковой, приемной дочери Бострома. В 1923 г. она уехала из этого дома в Баку, потому что в Самаре становилось холодно, а пальто у нее не было. Ей сказали, что в Баку пальто не нужно, и она туда отправилась, продав перед отъездом мебель. В письме спросили, кому она продала мебель. Узнали, что Лапкина должна была выйти замуж за Власова. Искать Лапкиных, Власовых мне помогала моя бывшая ученица по вечерней школе, работавшая в адресном бюро. Власовых в Самаре очень много. Мы выписали всех и пошли к Гуревичу, у которого хранился архив Алексея Николаевича, хоть он был старенький и многое забывал к этому времени.

Пришли с вопросом, не знает ли он Власову, которая за Лапкиных вышла. Он говорит: "Знаю, она недавно стояла на балконе в подвенечном платье. Вот тут в доме напротив". А ему самому уже 80 лет. Значит, в подвенечном платье недавно она стоять не могла, но стало ясно, что надо искать Власовых, живших рядом с Гуревичем. И когда мы пришли в дом к Власовым, жившим недалеко, почти напротив, то девушка, открывшая дверь, на вопрос, слышала ли она фамилию Бостром, сказала: "Да. Бабушка у них мебель покупала".

Так они отдали нам то, что у них осталось. У их соседки был шкаф красного дерева, который она предложила нам за большие деньги, но он уже не годился, потому что был выкрашен масляной краской. Мы посмотрели, какой он был формы, а потом Андрей (А.Г.Романов, научный сотрудник музея, сын М.П. - прим. авт.) нашел точно такой же, но действительно красного дерева, - сейчас он и стоит.

Найденные вещи нужно было опознать, а еще необходимо было, чтобы Первякова показала, где что стояло в доме. Пошла в горисполком с просьбой, чтобы мне разрешили ее пригласить. Стояла и дрожала перед кабинетом Козевой. Но она, видно, не догадалась, что опознание, в принципе, возможно произвести по фотоснимкам, а может, чтобы отвязаться от меня - разрешила. За наш счет, за счет музея к нам приехала Шурочка.

-Сколько ей было лет?

-Где-то уже к семидесяти, а в 1971 г. она уже умерла. Мы ее привели в музей Горького, еще без экспозиции после ремонта. И в пустом зале стояли вещи. Она все узнала, плакала и радовалась, а когда увидела шкафчик, в котором сейчас стоят книжки, сказала: "В нем стояли Лелекины книжки, а потом мои игрушки". Я сразу вспомнила "Вишневый сад".

Она же рассказала, как была организована квартира. Мы пришли с ней в дом, там еще находились все жильцы. Кстати, встречали меня прекрасно, даже оставляли ключи. Конечно, надо сказать, они мечтали и квартиру настоящую получить. Так вот, когда мы подошли к столовой, Первякова растерялась, увидев общую кухню с газовыми плитами и раковиной, грязь, запустение. Перед ее глазами-то стояла уютная столовая - любимое место сбора людей, живших в этом доме.

Среди жильцов первого этажа были две бабули. Одной удалось прожить здесь пятьдесят, другой - шестьдесят лет. Они рассказали нам, как выглядел двор.

Очень большую помощь оказала внучка бывшего директора Самарского реального училища - Пономарёва. Их окна смотрели на двор Бострома (это соседний с музеем дом, в котором был пожар). Она принесла фотографию: "Это когда мой отец учился фотографировать, он снял ваш двор из своего окна". Там многое было видно.

А у Людмилы Ильиничны (последней жены А.Н. - прим.авт.) сохранились фотографии, которые в 1899-1901 годы делались Алексеем Николаевичем, когда ему подарили фотоаппарат. Снимки маленькие, не очень четкие, и мне казалось, что они вряд ли чем-то помогут. Там был виден штакетник, то, как загорожены садики - их было два, взрослый и детский, колодец. Но когда мы сделали заказ на восстановление этих садиков в Московском "Лесопроекте", то специалисты оттуда по каким-то чуть заметным на фотографиях листьям определили - сирень, акация.

-К этому времени уже все было вырублено?

-Ни одного кустика! Большая заасфальтированная площадка, небольшая эстрада, сараи, гаражи, общественный туалет. Только несколько больших деревьев. Сейчас у нас два мемориальных дерева: одно на территории музея, возле ворот, другое - за пределами, рядом с краеведческим музеем. Остальные посадки более поздние или саженцы.

-Расскажите, как попадали вещи в мемориальную квартиру, кто из родных и близких помогал в этом?

-Людмила Ильинична с трудом расставалась с вещами, даже если их было очень много. Предположим, пять одинаковых фотографий, где стоит какая-то лошадь и неизвестный конюх рядом - еле-еле она дала нам одну. Некоторые вещи собирались отдать нам при жизни, но за два месяца до открытия музея умерла, а по завещанию все попало в Гослитмузей.

Так что от нее мы практически ничего не получили, только бюро матери, стоящее у её племянника Юрия Александровича Крестинского. Однажды она на него рассердилась и не придумала ничего лучше, как позвонить мне и предложить бюро Александры Леонтьевны. И только когда я уже приехала с машиной и людьми, она мне позвонила ему и говорит: "У тебя сейчас заберут бюро". Все это происходило некрасиво, потом он извинялся передо мной за свое поведение, но бюро попало к нам. И когда приехал впервые Никита Алексеевич, первая вещь, к которой он бросился - вот это бюро. Он сказал: "Это бабушкино бюро. Я помню, как над ним измывался, как пытался на локтях пробовать прочность крышки, как мама давала мне подзатыльники, а потом говорила: "Ты соображаешь, что ты де-

лаешь? Это же бюро, на котором работала твоя бабушка! Она писала и для взрослых, и для таких лоботрясов, как ты". Тогда я сразу понял, потому что что такое работать, "писать", я знал по отцу".."

Этим бюро мы особенно гордимся. Еще она передала подлинную фотографию со стола Алексея Николаевича, которая стоит сейчас на пианино, и лампу - в гостиной на круглом столе перед диваном.

Совсем недавно мы приобрели зеркало, которое висит у нас в прихожей. Когда Людмила Ильинична уже была больна, она вызвала меня в Москву, пригласила своего шоferа Виктора Николаевича. Он был близким человеком ее дома, практически не уезжал от нее. Хотя у него была семья, Людмила Ильинична распоряжалась им так, как считала нужным. В моем присутствии она сказала ему: "На даче есть вещи из Самары - зеркало и кресло. Продашь их Маргарите Павловне за сколько хочешь". После ее смерти по завещанию дача, машина достались ему. Когда через полгода я заикнулась Виктору Николаевичу об этом разговоре, он сказал: "Я ничего не продам. Хочу, чтобы у меня была обстановка та же, что и при Людмиле Ильиничне. Чтобы толстовские вещи стояли на даче". Потом он тяжело заболел - диабет, инфаркт. Меня разыскала его жена и рассказала, что когда Виктора Николаевича хватил первый инфаркт, он умолял: "Катя, вызови Маргариту Павловну, отдай ей бесплатно эти вещи - меня Бог наказал за то, что я не выполнил завещание Людмилы Ильиничны. Отдай". Так я забрала зеркало (оно было уже в квартире), тургеневское - из усадьбы деда Алексея Николаевича, две интересные гравюры, еще трубку и еще очки, несколько книг первых изданий. Как они попали к шоферу - Бог ему судья. А кресло так и осталось, поскольку не было машины, чтобы вывезти его зимой с дачи.

-История графа Николая Александровича тоже любопытна. Насколько мне известно, вы пролили на нее свет - до этого графа, в основном, обливали грязью.

-Меня давно волновало, кто же такой был граф Николай Александрович. Действительно ли пьяница, развратник и вообще отвратительный человек? Как он выглядел? Дело в том, что фотография, которую публиковал Ю.А.Крестинский (а он один из первых биографов Толстого, да и самый близкий из них, поскольку когда-то был его секретарем), меня смущала. Там говорилось, что граф изображен с

двумя сыновьями и своей второй женой. А вторая жена у него была общественным деятелем Красного Креста. И на другом снимке, где сфотографировались представительницы этой организации, совершенно другое лицо, нисколько не похоже на ту молодую женщину, которая прислонилась к мужчине - якобы графу. Смущало и то, что по возрасту на фотографии граф едва ли старше своего сына.

Однажды после моего выступления на телевидении в передаче "Поиски и находки" позвонил преподаватель одного из ПТУ и сказал, что его тетка была горничной в доме графа, у его второй жены, и что у нее остались какие-то фотографии. Так мы познакомились с Татьяной Степановной Калашниковой. Сейчас ее уже нет в живых, встретила же меня пожилая, но довольно бодрая женщина. Она рассказала мне свою историю, как девочкой ее взяли в этот дом, вырастили и замуж выдали, как с ней откровенничала Вера Львовна: "Он меня уважает, но не любит. Я знаю, что все равно он любит Сашу". О графе же она сказала, что никогда не слышала, чтобы он кого-нибудь обидел, действительно мог выпить, как и каждый помещик, дворянин, когда уезжал куда-то в гости; но если он ездил без жены и поздно возвращался, то разувался и поднимался на второй этаж босиком, чтобы не разбудить домашних. Он был сдержан, холодноват, особо никого не ласкал, но и не обижал. Я показала Татьяне Степановне фотографию, интересовавшую меня, она сразу назвала: "Это Стива, это Саша, это Лиля, сестра Алексея Николаевича, а кто четвертый - я просто не знаю."

Так я выяснила, что на снимке запечатлен не граф. Кто же? Это мог подсказать только кто-то из членов графской семьи. Александр давно умер, его жена умирала во Франции, в доме престарелых, Мстислав уехал за границу, оставил тут жену и двух детей. Я знала, что Софья Мстиславовна живет в Ленинграде. Приехала, позвонила Дмитрию Алексеевичу, попросила у него координаты, чтобы показать фотографию, вообще что-то узнать о графе. Но он сказал: "Она с тобой разговаривать не будет. Она ненавидит всех, кто занимался Толстым".

Я позвонила ей буквально перед отходом поезда. Софья Мстиславовна сразу резко ответила: "Я не принимаю никого, кого интересует Толстой. И вообще я больна". И тут как будто кто подтолкнул

меня сказать: "Очень жаль, поскольку я узнала много новых сведений о графе, и мне нужно кое-что уточнить. Оказывается, он был не таким, каким его рисуют биографы". Сначала на том конце провода было молчание, потом рыдания: "Неужели хоть перед смертью я услышу, что мой дед не был исчадием ада. Приезжайте! Второго раза может не быть - мне 72 года". Сейчас ей - 85 лет.

Когда я приехала, меня встретила подтянутая стройная женщина, очень бодрая, которая показала мне свой архив, а на фотографии указала - это Николай Александрович Рахманинов, первый муж Елизаветы, дальний родственник Рахманинова из Саратовской области. Так мы узнали, кто был четвертый на фотографии, и Софья Мстиславовна дала мне фотографию графа. Сейчас она стала щедрее. У нас есть уникальная вещь - ксерокопия с тетради Мстислава Николаевича Толстого, которую он написал своим детям о своей жизни. Там есть и характеристика графа, воспоминания о юности, а кончает он тем, что перед смертью ему очень хотелось бы пожить на родине.

-Маргарита Павловна, мне хорошо запомнилось, как в один из своих приездов на "Толстовскую среду" Никита Алексеевич сказал вам: "Рассказывайте лучше вы - вы все равно лучше про всех нас знаете..."

-Однажды я позвонила по телефону Никите Алексеевичу, а к телефону подошел его младший сын, Ваня, и говорит: "Вы когда приедете? Отцу срочно нужны кое-какие сведения о нашей семье. Ему задают вопросы специалисты из Англии, Франции, а он не знает, как ответить".

-Есть ли в музее-усадьбе особенно любимая вами, дорогая вам комната, вещь, документ?

-Вся квартира. Квартиру мы делали в ночь перед самым открытием - с 5 на 6 января. На торжество смог приехать только Иван Никитич Толстой. Он попросил остаться один в квартире. Мы закрыли за ним дверь. Через некоторое время он выходит оттуда молчаливый, с каким-то отсутствующим взглядом, а позже сказал: "Я как будто ощущал всех, кто живет в этом доме". И Никита Алексеевич, и Дмитрий Алексеевич говорили о том, что удивительно передана атмосфера их семьи.

-Кто из Толстых вам ближе?

-Конечно, Никита Алексеевич. Но они мне все стали родными, и меня воспринимают так же. Когда-то в Гослитмузее удивились, как я могу дружить со всеми Толстыми: "Они такие разные!" Не знаю, но мне это удавалось.

Сначала я подружилась с Дмитрием Алексеевичем. Он приехал в Куйбышев ставить свою оперу "Сорок первый", где-то в 59-том году - я тогда еще научным сотрудником была. Ему передали, что в музее Горького есть небольшая выставка и сотрудник, которая собирает материалы об Алексее Николаевиче (хотя первую группу материалов приобрела не я, а Владислав Петрович Скобелев, ныне профессор университета, когда работал в музее). Он пришел. В это время я была в служебной комнате, меня позвали в зал. Вхожу и не верю своим глазам, страшно растерялась: передо мной стоит Толстой. А Дмитрий Алексеевич очень похож на отца, волосы подрезал так же, как и Алексей Николаевич в последние годы, низкий пробор... Стоит и молча смотрит. Потом меня будто разбудил голос: "А почему вы не здороваетесь?" Я говорю: "Извините, пожалуйста, но мне показалось, что передо мной стоит Алексей Николаевич." Он был очень доволен. И с тех пор, когда я была в Ленинграде, останавливалась у него.

Как-то он мне предложил посмотреть дневник своей бабушки: "Возьми, если хочешь, почитать. Там есть про Лилю Брик и Маяковского, про Горького, Демьяна Бедного". А дневник Анастасии Романовны хранился в очень оригинальной кровати: есть сейчас похожие диваны, у которых внизу будто сундук. На кровати лежала уже большая и слепая Наталья Васильевна Крандиевская. И когда ее повели мыть, мы достали из чемоданчика дневник. Когда же Наталья Васильевна умерла, уже в 1963 году, он мне позвонил и предложил забрать этот дневник: "Посмотри еще раз, нужен ли он тебе". Перебираю бумаги, мечтая наткнуться хоть на записочку Алексея Николаевича - тогда у нас не было ни одной, это сейчас уже довольно много. Вдруг увидела странное "сооружение": сшитые с уголка бумаги разного достоинства, разных размеров. Здесь и оберточная бумага, и кусочки газет, обложек тетрадных. Почерк у Анастасии Романовны жуткий, не прочитать сразу, а я все пытаюсь найти хоть слово об

Алексея Николаевиче. И вижу: "Бумажный голод. Поиски бумаги ни к чему не привели. Решила: буду красть рукописи Алеша и делать на них свои записи".

Состояние у меня как после удара - руки и ноги ватные - думаю, неужели хоть одну страничку с рукой Толстого найду?! И нашла. Сначала увидела что-то напечатано, а снизу проглядывают чернила. Прочитала, а это страница из "Восемнадцатого года" "Хождения по мукам" с правкой Алексея Николаевича.

-Маргарита Павловна, все пытаюсь понять, как в вас могла сформироваться такая страсть к Толстому? Вы - коренная жительница Самары?

-Нет. Я родилась в Белгороде, а пяти лет меня привезли в Самару. Когда-то в школе я прочитала "Детство Никиты". С этого все и началось. Для меня описанное там было каким-то раem, чем-то светлым, мечтой о семье, где все по-доброму относятся друг к другу, где у ребенка есть возможность заниматься тем, что ему нравится, кататься на санках. Все это казалось мне несбыточной мечтой. Я ложилась спать и представляла, что очутилась в этом имении и мне хорошо, как и Никите.

А потом "Хождение по мукам". Особенно Даша произвела на меня сильное впечатление. Не могу сказать, что "Петр I" сразу понравился - наверное, я другого склада, более романтического, что ли. А когда узнала, что Алексей Николаевич жил в Самаре, да еще и дом есть (а музей Горького был неинтересный, весь на фотокопиях - поэтому его и переделали), то подумала: надо все-таки добиться, чтобы этот дом стал местом, куда могут приходить все, кто любит Алексея Николаевича.

-Безусловно, музей стал таким местом. А еще и что ли гордостью властей наших. У вас в музее, судя по "Книге отзывов", кто только не перебывал.

-Гришин был, Лигачев был, Горбачева была. И кроме них масса всяких. Но ведь когда открыли музей, у нас было всего два сотрудника, поэтому посетителей пускали лишь в мемориальную квартиру и еще один зал за ней. И было бесполезно разговаривать, писать, жаловаться. Когда ко мне приводили высоких гостей, я доводила их до закрытой двери и говорила: "Обычные советские люди доходят толь-

ко до этой двери. А дальше у нас ходят только такие гости, как вы, потому что у нас нет сотрудников и смотрителей!". И веду дальше. Меня пугали увольнением, но не уволили - к тому времени я получала 130 рублей. Однажды мой ход сработал, когда то же самое я повторяла какому-то чиновнику из Министерства финансов, ведающему культурой. Он ахнул: "Как же так может быть? Столько готовых интересных залов, а их никто не видит. С научными сотрудниками я помочь не могу, а с техническими - помогу". И после его отъезда пришел документ из министерства - нам прибавили смотрителей за залов. А первое время молодые сотрудники бегали из музея в музей. Я давала им 15 минут на бег.

-Слышала, что Раиса Максимовна как-то облагодетельствовала вас.

-Перед приездом Горбачевой меня тоже предупредили: никаких вопросов и проблем.

-Но к этому времени вы, по-моему, уже в совершенстве владели эзоповым языком..

-Да! И когда она сказала: "Я смотрю, у вас очень итэлигентные лица у смотрителей", я начала атаку: "Они все с высшим образованием. Но это смотрители не из дома, а из музея Горького. Потому что этот музей не имеет статуса и, соответственно, штатного расписания". Она удивилась: "Как? Три года существуете и до сих пор нет? Как же вы числитесь как музей?" - "Как музей Горького, - отвечаю. - Я пишу, что у него увеличились площади". Она поворачивается к Сухобоковой и Гордеевой из горкома партии: "Почему же вы молчите?!"... Она уехала, и на другой день мы получили статус филиала музея Горького. Говорят, она не одному музею помогла.

-А кто из высоких посетителей особенно запомнился вам?

-Самым лучшим посетителем был Лигачев. Муравьев, первый секретарь обкома, привел его со словами: "Очень прошу - постараитесь. Может быть, ему понравится музей. Ему ничего не понравилось, связанное с культурой нашей области. Минут на сорок". Я его повела, а он с таким любопытством все смотрел, слушал, вопросы задавал, причем, по существу, не мешал, что я водила его два часа. Уж очень ему понравился альбом, которого нет даже в самом Нижнем Новгороде - о Всероссийской художественно-промышленной выстав-

ке, он с интересом рассматривал все павильоны, оформление - как наглядный пример, что могут делать русские.

Когда закончили, Муравьев попросил его что-нибудь написать. И он написал о музее, да несколько слов в мой адрес. Необыкновенный был слушатель! Два часа! А мне Муравьев уже рукой машет: "Пусть смотрит, раз нравится".

Кстати, Раиса Максимовна Горбачева пришла к нам со словами: "Мне многие члены ЦК говорили о том, что у Вас очень интересный музей. Но особенно хвалил музей и вас Егор Кузьмич Лигачев. Поэтому я решила, что не имею права не посетить его".

Но ее тяжелее было водить: она перебивала, задавая какие-то свои вопросы, исходя из своей логики, приходилось часто прерываться. Тогда еще не было Фонда культуры. И потом уже мы предположили: наверное, ей хотелось получить как можно больше знаний по всем музеям. Например, она интересовалась, есть ли у нас копии. На мой утвердительный ответ сказала: "Ну-ка, я попробую найти". Но не нашла. И сделала заключение: "У вас они сделаны на самом высоком уровне". Такие технические вопросы ее интересовали. У нас есть ксерокопии, но в первом зале, где она задавала свой вопрос, копии сделаны действительно на высоком уровне. Альбомчик со стихами Алексея Николаевича сызранского периода в последней витрине никто не отличает от подлинника.

-Накануне юбилеев принято задавать вопросы о дальнейших планах. Что вы можете сказать?

-Должны открыть второй дом усадьбы. Там будет зал для проведения мероприятий. Наш нынешний настолько мал, что когда на наши "Толстовские среды" приезжает кто-то из интересных гостей, мы вынуждены закрывать двери.

Еще я очень рада, что когда-то мне пришло в голову забрать из Москвы поделки, рисунки из "В гостях у сказки". Когда все они приехали к нам в музей, по ЦТ объявили ребятам благодарность. А потом и побывавшие у нас дети стали присыпать свое творчество. Однажды на почте я получила из Иркутской области такую огромную коробку, что пришлось вызывать на помощь молодых сотрудников - донести ее я не могла. Это была Мальвина, сшитая детьми школы-интерната. Так что в новом доме обязательно будет зал Буратино

- на сцене, в музыке, в живописи, глазами детей и т.д.

В прежнем здании расширим период Отечественной войны. Выставка "Толстой и Толстые" о роде, семье вызвала такой интерес, что мы решили сделать ее постоянной. Восстановим сад, когда уйдут строители. Другими будут забор и ворота.

-Маргарита Павловна, наверное, самым счастливым днем вашей жизни был тот, когда в музей пришли первые посетители.

-Седьмого января 1983 года, узнав, что музей открыт, пошли люди. А мы дали возможность сотрудникам отдохнуть. Я вышла и говорю: "Товарищи, у меня нет сотрудников, поэтому не знаю, как пускать". Они умоляют: "Хоть что-нибудь, как-нибудь покажите, пожалуйста". Они встали в очередь возле входа в музей, и я пускала по десять человек: одним покажу, потом других веду. Конечно, показывала маленькую толику, в основном, мемориальную квартиру, но все равно все были довольны. Эта очередь будет перед моими глазами до последнего дня моей жизни...